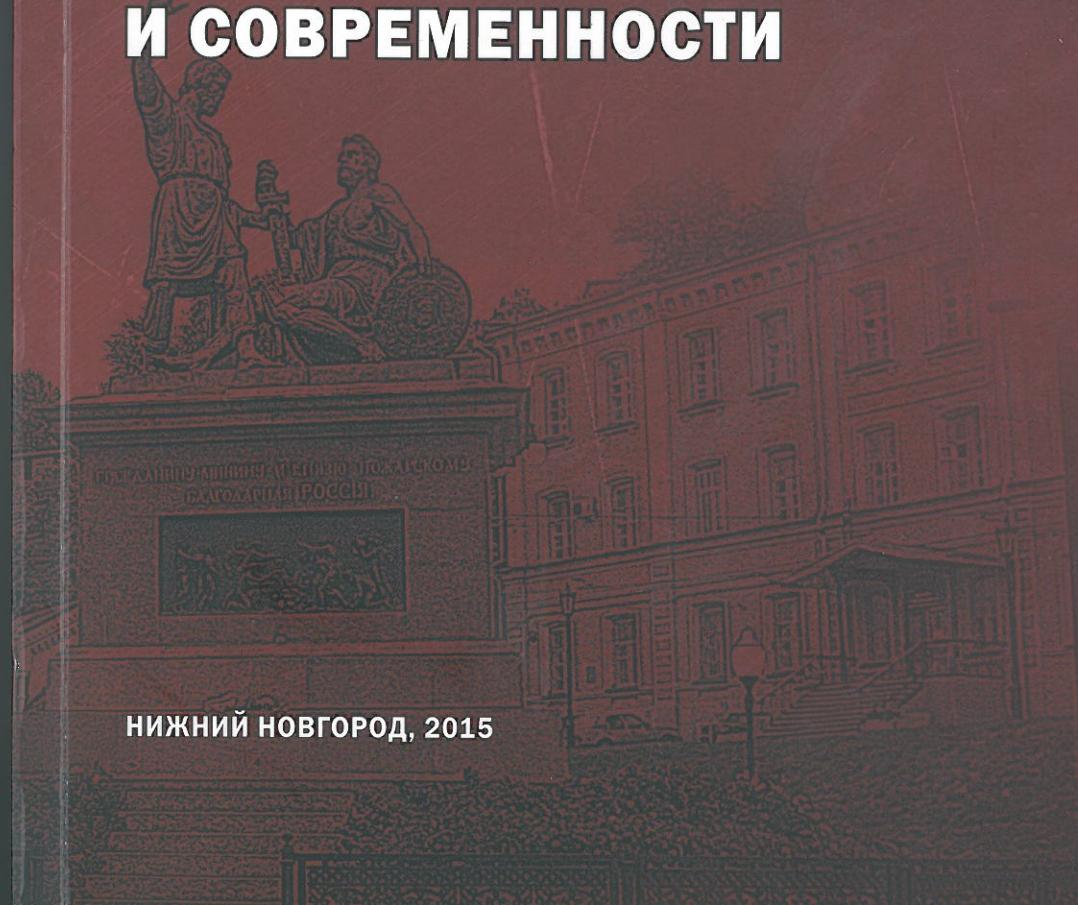

НИУ ВШЭ НИЖНИЙ НОВГОРОД

**НАРОД И ВЛАСТЬ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
В ИСТОРИИ
И СОВРЕМЕННОСТИ**

НИЖНИЙ НОВГОРОД, 2015

Нижегородский филиал федерального автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования
«Национальный исследовательский университет
"Высшая школа экономики"», факультет права

НАРОД И ВЛАСТЬ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Научно-практическая конференция с международным участием
15–16 октября 2015 г.
г. Нижний Новгород, НИУ ВШЭ

Факультет
юриспруденции

Нижний Новгород, 2015

ISBN 978-5-907457-5-5
Наука и образование

УДК 340.130

ББК 67.3

Н 30

Редакционная коллегия:

Власова А.А. – доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук

Груздев В.В. – доктор юридических наук, проректор по науке ФГБОУ ВПО «Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова»

Клепоносова М.В. – кандидат юридических наук, доцент, декан факультета права НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, заслуженный юрист РФ

Колоколов Н.А. – доктор юридических наук, профессор кафедры судебной власти, судья Верховного Суда РФ (в отставке)

Логинова А.С. – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Михеева И. В. (отв. ред.) – доктор юридических наук, заведующая кафедрой конституционного и административного права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Селезнев Ф.А. (отв. ред.) – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра краеведческих исследований Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Сиземова О.Б. – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Сочнев Ю.В. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Черкасов В.К. – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного, финансового и информационного права ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Нижегородский институт управления)

Точка зрения авторов может не совпадать с позицией редакционной коллегии

Н 30 Народ и власть: взаимодействие в истории и современности: сб. научн. тр. / отв. ред. И.В. Михеева, Ф.А. Селезнев. Вып. 2. – Нижний Новгород: ООО «Растр», НИУ ВШЭ – Нижний Новгород. 2015. – 562 с.

Книга представляет собой второй выпуск сборника статей, изданного факультетом права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и посвященного ретроспективному анализу взаимодействия власти и общества. Большое место отведено правовым и историко-правовым аспектам такого взаимодействия. Особое внимание уделено истории государственных учреждений и взаимодействию власти и общества с древности до начала XX века. Ряд проблем российской истории этого периода рассматривается на материалах Нижегородского края.

Данная книга приурочена к 70-летнему юбилею замечательного ученого, историка права, известного в России библиофила и краеведа – доктора юридических наук, профессора Юрия Григорьевича Галая.

Издание адресовано научным работникам, студентам, аспирантам, преподавателям вузов, всем интересующимся вопросами права и управления, историей государства и права, краеведением.

ISBN 978-5-9907079-7-9

УДК 340.130
ББК 67.3

© НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, 2015
© Авторы сборника, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	7
Народ и власть: правовые аспекты взаимодействия	9
Дудко И.Г. Особенности российской бюрократии	10
Колоколов Н.А. Народ и власть: право на восстание.....	15
Кузнецов А.П. Уголовный закон России: реальное состояние охраны личности	30
Мамедов Э.Б. Верховенство закона – одна из главных задач управления государством.....	40
Михеева И.В. Церковь и государство в деле сохранения древностей в Российской империи (2-я половина XIX – начало XX вв.): согласие и противоречия.....	58
Панченко П.Н. Майдан-2 как слом народовластия и как способ овладения властью криминалом.....	71
Черкасов К.В. Вопросы системы и структуры межрегиональных (окружных) федеральных органов исполнительной власти: некоторые обобщения	85
Власова А.С. Лицензирование деятельности по управлению много квартирными домами как ограничение свободы предпринимательства	92
Колодеев Е.П. Проблемы понимания в советской правовой науке контрольно-надзорных полномочий, осуществляемых органами государственного управления	104
Лаврентьев А.Р., Красильникова Н.А. Правовая регламентация взаимодействия органов власти и институтов гражданского общества: опыт Нижегородской области	113
Пишина С.Г. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним как способ защиты прав участников гражданского оборота в РФ	120
Сергеева Е.В. Институт общественной инициативы как механизм политической коммуникации власти и общества	128
Сиземова О.Б. Правовые аспекты взаимодействия региональных органов власти и финансовых институтов	138
Лю Синь. Законодательная политика КНР в области обеспечения международных полетов гражданских воздушных судов и безопасности народов	141

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В ДЕЛЕ СОХРАНЕНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (2-Я ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.): СОГЛАСИЕ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Михеева И.В., доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и административного права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Аннотация

Статья посвящена охране древностей в Российской империи во второй половине XIX века. Сделан акцент на взаимодействии государства и церкви в деле охраны церковных древностей. Введены в научный оборот документы из фондов Российского государственного исторического архива. Проведены некоторые исторические аналогии современному «сотрудничеству» государства и церкви.

Ключевые слова: церковь, государство, сохранение древностей, Российская империя

Одним из самых важных социально-культурных институтов в России традиционно является Церковь, прежде всего Русская православная церковь. В преамбуле Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ред. от 20.04.2015) говорится о признании Советом Федерации «особой роли православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры»¹. В соответствии с Конституцией Российской Федерации – светское государство (ст. 14). Взаимное невмешательство в дела друг друга между тем не разделяет и не противопоставляет Церковь и государство.

Церковь играла важную роль в обществе во все времена. Ее сотрудничество с государством охватывало различные сферы общественных отношений. В Основах социальной концепции Русской православной церкви (РПЦ), принятой в 2000 году Освященным Архиерейским Собором Русской православной церкви, содержатся основные положения ее учения по общественно значимым вопросам церковно-государственных отношений и отражена официальная позиция Московского патриархата в сфере взаимоотношений с государством и светским обществом. Среди прочих называются такие области сотрудничества Церкви и государства, как охрана, восстановление и развитие исторического

¹ СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

Abstract

The article is devoted to the protection of antiquities in the Russian Empire in the second half of the nineteenth century. Attention is drawn to the interaction of Church and State in the conservation of ecclesiastical antiquities. Documents from the collections of the Russian state historical archive are borrowed. There are some historical analogies with modern collaboration of Church and State.

Keywords: church, state, antiquities' preservation, the Russian Empire

и культурного наследия, включая заботу об охране памятников истории и культуры; диалог с органами государственной власти любых ветвей и уровней по вопросам, значимым для Церкви и общества, в том числе в связи с выработкой соответствующих законов, подзаконных актов, распоряжений и решений и мн. др.¹

Церковно-государственные отношения в деле сохранения церковных древностей имеют давние исторические корни. В Российской империи XIX века Русская православная церковь представляла обособленную часть в государственном устройстве. Союз церкви и государства имел немало внутренних противоречий. Церковь тяготилась сложившимся в XIX веке положением института, производного от государства, пытаясь отстоять свою независимость. Правительствующий Синод в XIX веке был высшим законодательным, административным и судебным учреждением по делам РПЦ. Между тем фактически роль этого органа управления в течение XIX века снижалась на фоне усиления позиций обер-прокурора в решении наиболее важных вопросов жизни государства и общества.

В XIX веке шел поиск оптимальной организационной структуры государственного церковного управления. В 1817 г. было создано Министерство духовных дел и народного просвещения путем объединения нескольких ведомств: Министерства народного просвещения, Главного управления духовных дел православного исповедания Святейшего Синода, Главного управления духовных дел иностранных исповеданий. Опыт интеграции светских и церковных учреждений не дал ожидаемых результатов, и в 1824 году министерство было расформировано, а функции ранее объединенных органов центрального управления с некоторыми изменениями восстановлены.

О государствование церковных институтов, двойственный статус Святейшего Синода (Св. Синод) как государственного учреждения, части государственного механизма Российской империи XIX века и в то же время высшей административной и судебной инстанции РПЦ принимались Русской православной церковью трудно. Это касалось и охраны памятников древностей. В Российской империи Русская православная церковь была одним из самых крупных собственников недвижимости, в том числе и памятников старины. Большая часть последних в дореволюционной России (4/5 памятников старины) имели культовую природу и принадлежали церкви, считаясь в определенном смысле святыней. Поэтому при подготовке актов, регулирующих порядок

¹ Основы социальной концепции Русской православной церкви / URL: http://www.radost-brest.com/library/poleznoe/osnovi_socialnoi_konsepcii.pdf

охраны древностей, происходило столкновение позиций государства, которое пыталось распространить свою юрисдикцию на церковные памятники, и духовенства.

В XIX – начале XX века при Св. Синоде большую роль играл синодальный обер-прокурор, имевший статус главноуправляющего особым ведомством. В этом качестве он представлял духовное ведомство в Государственном совете, в Совете Министров и в Правительствующем Сенате, вел дела по взаимодействию Св. Синода с министрами. «Св. Синод сносился с Правительствующим Сенатом непосредственно, в той форме, которая была установлена еще Петром Великим, именуя «ведениями», с министрами и главноуправляющими отдельных ведомств через посредство синодального обер-прокурора; архиереям, консисториям и протопресвитерам посыпал указы»¹. Большая часть обращений от органов государственного управления направлялась обер-прокурору Св. Синода, который затем «сносился» с духовенством.

Вопросы охраны древностей были предметом особой заботы государства и общественности в России. Ко второй половине XIX века сложилась совокупность учреждений, ведавших охраной древностей, в том числе церковных. Разными вопросами охраны и сохранения памятников занимались министерства: императорского двора и уделов, военное, внутренних дел, народного просвещения и государственных имуществ. Только в МВД к концу XIX века из 21 учреждения центрального аппарата министерства отдельными вопросами охраны памятников занимались: Хозяйственный департамент; Департамент общих дел министерства; Технико-строительный комитет; Управление отдельным корпусом жандармов².

Кроме того, ко второй половине XIX века в России действовало много общественных организаций, научных обществ, занимавшихся исследованием памятников старины. Авторитетнейшим из них была созданная при Министерстве императорского двора Императорская археологическая комиссия. В то же время отсутствие единого законодательного акта создавало неудобства и усугубляло государственно-церковные противоречия в сфере охраны древностей. Необходимость

¹ Суворов Н.С. Учебник церковного права. М., 1908. 348 С. / Электронный ресурс: URL: <http://sudru.ru/библиотека-юриста/классика-правовой-мысли/470244-суворов-н-с-учебник-церковного-права-москва-печатня-а-и-снегиревой-1908г-введение>

² Михеева И.В. Правотворческая деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по охране памятников истории и культуры в XIX – начале XX веков (историко-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1999. С. 35–36.

выработки единых правил охраны памятников выразилась в создании в 1876 году специальной комиссии во главе с А.Б. Лобановым-Ростовским. В рамках ее работы обращалось внимание на неправильное применение к предметам древности и замечательным образцам старинного искусства общего правила, по которому церковная утварь, проположившая известное число лет, превращалась за негодностью в лом и выбрасывалась. Под этим предлогом продавалось огромное количество древностей, церковные историко-художественные предметы¹.

Думается, объяснение этому можно найти в функциональности церковных предметов. Традиционному православному мировоззрению, в отличие от светского, несвойственно отношение к памятникам культа как «неприкосновенным» произведениям древнего искусства. Для христианина основным критерием ценности произведения всегда считалось его духовное предназначение. Храм, икона и пр. являются объектами поклонения лишь как носители, как образы святыни. Почести, воздаваемые предмету поклонения, относятся не к вещественной, а сущностной части. Все, что посвящается Богу, исполняется с особым тщанием, но с христианской точки зрения высшей ценностью объекта является то, что оно служит более высокой цели. И когда, по мнению церковных руководителей, средство (храм, например) перестает удовлетворять требованиям основного предназначения, оно благословляется на реконструкцию, замену и т. п. Такой утилитарный подход не свидетельствует все же о пренебрежительном отношении православного духовенства к талантливым творениям, древним редкостям и т. д.

Дореволюционные исследователи церковного права указывали, что в «составе церковного имущества различались вещи, имевшие священный характер, как предназначенные к непосредственному служению целям церковного культа, и обыкновенные имущественные объекты, предназначенные к обеспечению существования и к покрытию расходов на материальные нужды церковных институтов»². Это обуславливало несколько иное отношение к культовым предметам священнослужителей в отличие от светских исследователей.

Так, 27 мая 1887 года архиепископ Ростовский и Ярославский Ионофан сообщает обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву о просьбе графини П.С. Уваровой помочь в организации выставки церковных древних предметов, а для этого собрать такие предметы «из всех церквей Ярославля и всего ухода». Желание графини архиепископ назвал «неудобоисполнимым», поскольку, по его мнению,

¹ Там же. С. 85–86.

² Суворов Н.С. Указ. соч.

«представление древних предметов не для поклонения, а для удовлетворения только любознательности может повести к оскорблению религиозного народного чувства»¹.

В русском праве классификации церковных предметов (имущества) была представлена только в Уложения о наказаниях 1845 г., чтобы точно определить разные виды святотатства и соответствующую этому преступлению степень ответственности. Говорилось о вещах для православной, римско-католической и армяно-григорианской церкви. Назывались священные, освященные через употребление при богослужении и неосвященные. Для Православной церкви священными признавались: потир, дискос, дарохранительница, лжица, копье (в Уложении 1903 г. внесена еще звездица), кресты, евангелия, образа, мощи, оклады и украшения к крестам, образам и мощам, антиминсы, покровы св. сосудов и одежды на престолах и жертвенниках. К освященным через употребление при богослужении относились купели и чаши для водоосвящения, ковши, кропила, одеяние на аналоях, ризы духовенства, кадила, паникадила и поставленные уже в них свечи (в уложение 1903 г. внесены еще подсвечники), лампады, богослужебные книги. Остальные вещи, хотя и находились в храмах (деньги, свечи, еще не поставленные к образам или в паникадила) характера святости не имели.

Когда та или иная вещь приходила в негодность, ее «утилизировали» по специальным правилам, не всегда признавая историко-культурную ценность вещи, не используемой в религиозной обрядовой службе из-за ветхости. В связи с этим Св. Синодом не раз издавались распоряжения относительно «охранения» церковных памятников древности. В них содержалось требование на любые, даже «малейшие исправления и возобновления» испрашивать разрешение Св. Синода, а также связываться с ближайшим к месту нахождения церкви или монастыря Археологическим или Историческим обществом (ст. 50 Устава духовных консисторий).

В соответствии с высочайше утвержденным определением Св. Синода от 11 октября 1853 года во всех церквях и монастырях должны были содержаться описи с точным описанием всех внутренних принадлежностей храмов, их ризниц и книгохранилищ, в том числе рукописей, грамот, древних актов и других документов, и всех предметов, которые не будучи богослужебными имеют историческое и археологическое значение. Причем запрещалось выдавать вещи и книги, внесенные в эту опись кому бы то ни было без разрешения Св. Синода или епархиального архиерея. Благочинные монастырей и церквей обязаны

были следить за их сохранностью, сличать с описью и «доносить начальству». Более того, Св. Синод указывал на необходимость «в случае усмотренной пользы, необходимости и возможности» передать принадлежащие церквям и монастырям предметы древности в существующие в самом духовном ведомстве древлехранилища (с разрешения Св. Синода и братии монастырей или причтов и прихожан церквей). Надо сказать, что нередкими были отступления от правил сохранения древностей настоятелями монастырей. Приходилось подтверждать обязательное и точное исполнение всех постановлений по охране имеющихся в церквях и монастырях предметов древностей, включая Высочайшие повеления относительно реставрации памятников древности¹.

Режим пользования, охраны и сохранения церковных древностей включал акты, издаваемые в порядке Верховного управления, циркуляры министерств, а также акты, издаваемые Св. Синодом самостотельно. В РГИА хранятся документы, подтверждающие частые обращения российских и иностранных исследователей к обер-прокурору с просьбой разрешить выдать/выслать тот или иной документ из синодальных библиотек для научных исследований. Так, от имени Министерства народного просвещения 14 июля 1886 года испрашивалось разрешение «для кандидата историко-филологического факультета Императорского Казанского университета Николая Лихачева для работы над магистерской диссертацией на тему: "О разрядных книгах"» допустить его к занятиям в архиве и библиотеке Св. Синода². В обращении обер-прокурору Св. Синода от 9 января 1887 года № 952 Министерство народного просвещения (МНП) просило прислать из Московской синодальной библиотеки в Императорскую публичную библиотеку рукописи Диона Хрисостома для работы по исследованию этих рукописей причисленному к МНП Адольфу Сонни³. Для профессора И.В. Явича «испрашивались» рукописи из Синодальной библиотеки в Москву для работы

¹ Определение Св. Синода от 10 октября – 16 ноября 1890 года № 1694 // Церковные ведомости. 1891. № 1. По кн.: Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901. С. 427; Определение Св. Синод от 21 сентября – 16 ноября 1887 года // Церковные ведомости. 1894. № 49. По кн.: Обзор деятельности ведомства православного исповедания... С. 428; Высочайшее повеление, объявленное Министром Юстиции от 11 марта 1889 года «О предоставлении Императорской Археологической Комиссии исключительного права и разрешения раскопок, с археологической целью, на землях казенных, принадлежащих разным установлениям, и общественных» // СЗ РИ З. Т. 9. Ст. 5841.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 56. 1886. Отд. I. Ст. I. Д. 96. Л. 1–1 об.

³ Там же. Л. Л. 3–3 об.

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 54. Отд. I. Ст. I. Д. 119. Л. 11 об.

на дому¹. В этом же году профессор Харьковского университета обратился к обер-прокурору Св. Синода с просьбой выслать ему в Харьков знаменитое произведение Крижанича, поскольку не мог приехать сам и поработать в библиотеке Св. Синода из-за проблем со здоровьем.

В справке управляющего Московской синодальной библиотеки, составленной 20 января 1887 года № 408 для обер-прокурора К. П. Победоносцева, говорилось, что наиболее надежным способом пользования рукописями, обеспечивающим их сохранность, является выдача документов для использования в самой библиотеке. Практика свободной выдачи из книгохранилищ ценных редких изданий, особенно рукописей, лицам, желающим их изучать, показала, что много замечательных экземпляров утеряно. Так, писалось в справке, «из Патриаршей библиотеки в 1847 году был отпущен славянский сборник статей религиозно-нравственного содержания, писанный в 1348 году иноком Лаврентьевым для Болгарского царя, который был утерян. Причем такие «драгоценности» пропадали и от разных непредвиденных случайностей – смерти людей, пожаров и т. д. При этом древлехранилища беднеют, а последующие поколения ученых лишаются неоценимого материала для своих трудов. Почти все частные древлехранилища образовались через выс朴实ивание на время разных древних рукописей из казенных и монастырских библиотек. А поскольку нет уверенности, что все ходатайствующие о выдаче им изданий и рукописей в состоянии должным образом воспользоваться ими, то предполагается, что выдавать такие редкие документы надо только для чтения в библиотеке»².

Видимо, принимая во внимание содержание этой справки, министру народного просвещения за подписью К.П. Победоносцева было направлено письмо от 4 февраля 1887 года № 555, где говорилось, что «придерживаясь мер к охране драгоценных книгохранилищ от непредвиденных случайностей, предполагается разрешать пользоваться древними рукописями только в самых местах их хранения»³. На этом основании было отказано переправить древние рукописи А. Сонни, профессору Бессонову, студенту богословия Гренингенского университета С.З. Шурману⁴ и в целом ряде просьб от исследователей, переданных через Министерство народного просвещения.

На фоне сложившегося особого режима пользования древними рукописями частными лицами активно шло сотрудничество Св. Синода

с Археографической комиссией при Министерстве народного просвещения (МНП). По просьбе комиссии из Московской синодальной библиотеки ей передавались списки Ноябрьской книги Макарьевских Миней для издания Ноябрьской книги Великих Миней митрополита Макария (Список Успенского Собора и Синодальный список)¹. Оперативно решался вопрос пересылки из Московской Синодальной библиотеки в Академию наук по ходатайству ее президента двух рукописей (Греческой рукописи № 236 Житие Св. Василия Нового и Сб. XVI в. № 927 Житие Св. Пафнутия Боровского) для исследования².

В ряде случаев наиболее ценные древности могли менять место хранения в рамках учреждений церковной юрисдикции. Так, указом Св. Синода, данным на имя митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского от 9 декабря 1858 года за № 12472, предписывалось находящиеся в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря древние книги и рукописи «обратить в собственность Духовной академии, оставив в монастыре только те, которые окажутся для него нужными, а для Академии излишними»³.

По общему порядку находящиеся на хранении в монастырях древности запрашивались для изучения через канцелярию обер-прокурора. Оттуда шло отношение-обращение к митрополиту, в чьем ведении находилась древность (монастырь, где эта древность хранилась). Затем по распоряжению митрополита запрашиваемая рукопись переправлялась в канцелярию обер-прокурора, а оттуда к заказчику. Такая последовательность процедур соответствовала субординационной логике взаимоотношений обер-прокурора и духовенства.

Активное обращение к ценным рукописям предполагало меры к их сохранению. А если учесть, что большинство древностей хранились в монастырях и храмах, в синодальных библиотеках, то понятен интерес государства к включению находящихся в распоряжении РПЦ ценностей в область государственной охраны исторических памятников и... противодействие этому самой РПЦ. Особо остро этот вопрос встал в ходе подготовки общероссийского закона по охране древностей во 2-й половине XIX в специально создаваемыми для этого особыми комиссиями и совещаниями⁴. В рамках разработки этого закона пред-

¹ Там же. Л. 15–15 об., 16, 17–17 об., 18, 19–19 об., 21.

² Там же. Л. 23, 25, 26, 28–28 об., 29–29 об., 30–33, 36–36 об., 42–44.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 55. Отд. И. Ст. 1. Д. 42. Л. 7–7 об.

⁴ Михеева И.В. Правотворческая деятельность Министерства внутренних дел... С. 82–123; Галай Ю.Г. Охрана памятников старины как культурно-экономическая мера безопасности России XVIII – начала XX века. Нижний Новгород. 2007. С. 54–91.

¹ Там же. Л. 4.

² Там же. Л. 5–7 об.

³ Там же. Л. 10, 10 об., 11.

⁴ Там же. Л. 20–20 об., 22–22 об.

полагалось создать единый общероссийский централизованный орган в виде комиссии для охраны памятников (светских и церконых).

По ст. 25 разработанного Особой комиссией 1876 года под руководством А.Б. Лобанова-Ростовского проекта «Правил о сохранении исторических памятников» предполагалось духовному ведомству, как и прочим правительенным учреждениям, *вменить в обязанность* прежде какого-либо отчуждения предметов, имеющих историческое значение или работы по исправлению и переделки памятников входить в сношение с подлежащим отделом комиссии (которая тогда предполагалась к открытию при МНП в качестве единого централизованного общероссийского органа охраны древностей) и без ее ведома и разрешения не приступать ни к каким изменениям и подновлениям памятников¹.

Св. Синод однозначно заявлял о несогласии допускать кого бы то ни было к принадлежавшим церкви движимым и недвижимым ценностям и категорически потребовал исключить духовное ведомство из числа учреждений, подведомственных комиссии по охране памятников². Такая позиция отражала желание РПЦ защитить как церковные имущественные интересы, так и свою независимость в церковно-государственных отношениях. Синодом было представлено Определение от 3/31 мая 1878 года за № 781, где рекомендовалось в ст. 25 Правил опустить слова «вменить в обязанность». Взамен этих слов Св. Синод предложил дополнить статью Примечанием: «По духовному ведомству местные епархиальные начальства предварительно «представления на утверждения Св. Синода предположений относительно отчуждения предметов, имеющих историческое значение, или работы по исправлению и переделке памятников имеют сноситься с управлением ближайшего Археологического округа». То есть перед утверждением переделок управлением Археологического округа, на которые предполагалось разделить территорию империи, должно было получаться разрешение епархиального начальства³.

Вопрос подчиненности охраны церковных древностей, так и не урегулированный в рамках работы Особой комиссии А.Б. Лобанова-Ростовского, возник вновь через несколько лет. 18 октября 1885 года от министра народного просвещения на имя обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева поступило отношение с просьбой согласовать проект Устава Императорского Российского исторического музея. В § 40 содержалась подобная формулировка *о вменении в обязанность*

духовному ведомству перед отчуждением древности или перед началом работ по исправлению связываться с соответствующим отделом комиссии, а также без ведома и разрешения ее работы не начинать¹.

В ответе министру народного просвещения от 22 ноября 1885 года № 5677 обращалось внимание на тождественность формулировок § 40 Устава, предложенного для согласования, и § 25 проекта Правил по охране древностей, который готовился комиссией 1876 года. Пояснялось, что «такое правило ставит Св. Синод в некоторую зависимость от комиссии по сохранению памятников, что было бы не совместно с авторитетом Св. Синода, как высшего духовного учреждения. По мнению Св. Синода, из-за тождественности § 40 Устава и § 25 Правил, предложение Св. Синода о необходимости особого примечания относительно охранения по Духовному ведомству исторических памятников должно быть применено и к § 40 Устава»².

Аналогична была позиция представителей духовенства, обозначенная в рамках принятия устава Ростовского музея церковных древностей в апреле 1887 года. В адрес К.П. Победоносцева архиепископ Ярославский и Ростовский Ионофан направил письмо, где обосновал внесение необходимых изменений в Устав Музея. По параграфу 4 устава «непосредственное управление музеем поручено комитету под председательством ярославского губернатора, из членов Императорского Московского археологического общества, проживающих в городах Ростове и Ярославле. Отношение же к музею местного епархиального архиерея выражалось по Уставу лишь в том, что «Музей состоит под покровительством Преосвященного Ярославского». Таким образом, Ростовский музей церковных древностей был поручен управлению комитета, в состав которого входили ярославский губернатор и несколько ростовских и ярославских купцов (членов Московского Археологического общества), т. е. лиц не духовного ведомства.

Далее в письме внимание обер-прокурора обращалось на то, что музей помещается в Ростовском кремле, бывшем некогда архиерейским домом и состоящем в ведении Ярославского епархиального начальства. В музей вносятся предметы церковных древностей преимущественно из церквей и монастырей. Поэтому управление музея должно входить с ними (церквями и монастырями) в непосредственные сношения. В музей поступали такие предметы, которые в свое время были освящены для особого употребления при богослужении церковном, например кресты напрестольные, Евангелия, сосуды, дарохранительницы,

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 55. Отд. I. Ст. 1. Д. 96. Л. 1, 3.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 509. Л. 111 об.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 55. Отд. I. Ст. 1. Д. 96. Л. 3 об.

¹ Там же.

² Там же. Л. 22–24.

антиминсы, к которым по церковному Уставу можно прикасаться только лицам освященным, имеющим сан священнослужителя. Потому архиепископ считал необходимым присутствие в комитете представителей духовного ведомства – Ярославского преосвященного. Архиепископ Ярославский и Ростовский Ионофан также предложил изменить формулировки некоторых параграфов: § 4 Устава: «Непосредственное управление Музеем поручается Комитету, состоящему под председательством Ярославского Преосвященного, из Ярославского губернатора на правах товарища Председателя, из Членов от духовного ведомства, назначаемых Преосвященным, из членов Московского Археологического Общества; § 6 Устава: Комитет может с разрешения Преосвященного и Губернатора устраивать публичные заседания и научные чтения в местных церковных и гражданских древностях»¹.

Время для ходатайства Ярославского преосвященного было выбрано неслучайно. Прежний губернатор ярославский В.Д. Левшин умер в апреле 1887 года. Должен был быть назначен новый губернатор, поэтому изменение устава музея и соответственно статуса ярославского губернатора в управлении Музеем не вызвало бы лишних возражений. Объективности ради можно заметить, что музей был создан для хранения древних русских ценностей, потому предложение Ярославского преосвященного соответствовала позиции РПЦ относительно распоряжения своим имуществом.

После предпринятых Особой комиссией А.Д. Лобанова-Ростовского первых попыток представить централизованную систему охраны памятников, включая и церковные древности, прошло более 20 лет, прежде чем работа над законопроектом по охране памятников истории была продолжена вновь. При МВД в 1904 году была создана очередная комиссия по подготовке общероссийского закона об охране памятников древности. Ведомство православных исповеданий направило туда в качестве своего представителя директора Археологического института, заслуженного ординарного профессора Санкт-Петербургской духовной академии, действительного статского советника Н.В. Покровского. Позже, в 1909 году, в комиссию по составлению законопроекта вошел начальник архива и библиотеки Св. Синода статский советник К.Я. Здравомыслов². Одна из трех подкомиссий межведомственной комиссии изучала именно памятники, находящиеся в церковном ведении.

К 1910 году проект Положения об охране древностей был подготовлен для передачи его в Государственную думу. Особое внимание

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 54. Отд. I. Ст. 1. Д. 119. Л. 1–16.

² РГИА. Ф. 565. Оп. 6. Д. 23242. Л. 68об., 69.

уделялось памятникам церковной старины, которые служили предметом религиозного почитания или состояли в богослужебном обиходе. Регистрировать их предполагалось централизованно под руководством Комитета по охране древностей при содействии местных епархиальных начальств. Все возникшие разногласия должны были вноситься на рассмотрение Св. Синода, определение которого приводилось в исполнение синодальным обер-прокурором по соглашению с министром внутренних дел¹. Таким образом, предполагалось все же ввести их под контроль государственною органа.

С этим Св. Синод категорически не согласился, заявив, что «предполагает охранять все церковные памятники древности самостоятельно и независимо от общей охраны...»². Этую позицию поддержали представители Государственного контроля. Они предложили поделить все древности на два разряда – церковные памятники, ведение которых подлежало бы оставить за Св. Синодом в лице образованной при нем Археологической комиссии, и светские памятники, охрану которых, включая и заботу о деятельности местных охранных учреждений, предоставить Императорской археологической комиссии.

Это заявление не было принято. Аргументом послужило то, что организация Синодом подведомственных ему учреждений, ведающих охраной церковных древностей, с одной стороны, не составляет еще переработки материального права охраны по существу, а с другой – не может быть признана обстоятельством, которое освобождало бы государство от обязанности взять на себя общую по империи охрану древностей. В связи с этим было признано необходимым внести в законопроект общее правило, по которому охране подлежали бы все признанные в установленном порядке требующими сохранения древности, здания, места, предметы, независимо от того, какому ведомству, установлению или учреждению принадлежит заведование или управление ими, т. е. церковные памятники в том числе. Но законопроект, в котором предполагалось установить государственную охрану памятников, распространяющуюся и на церковные древности, не был принят Государственной Думой. Св. Синод остался монополистом в деле охраны церковных памятников от разрушений и искажений вплоть до революции 1917 года.

Сегодня Российское государство в рамках Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года обращается к религиозным объединениям в контексте

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 186. Д. 11 в. Л. 56–66.

² Там же. Д. 11 а. Л. 454.

определенных задач в сфере государственной национальной политики Российской Федерации¹. Очевиден и поиск разнообразных путей церковно-государственного сотрудничества. Подписан ряд соглашений между Московской патриархей РПЦ и министерствами РФ (МВД, культуры, здравоохранения и др.). С 1995 года в качестве консультативного органа действует Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации². В начале 2015 года в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации прошло заседание Межфракционной депутатской группы по защите христианских ценностей. Результатом стали изменения, внесенные в закон об охране памятников культурного наследия. Законодательно определены «исторического места», «достопримечательные места» и субъекты, ответственные за их охрану и сохранение, что тесно связано с вопросами церковной собственности и православных памятников. Урегулирован вопрос о государственном финансировании работ по сохранению объектов культурного наследия, находящихся в собственности религиозных организаций.

Кажется, движение навстречу друг другу в вопросах сохранения историко-культурного наследия России, в том числе культовых памятников, готовность к «сотрудничеству» двух важных общественных институтов – государства и церкви – приблизило нашу деятельность к той реальности, о которой мечтала во 2-й половине XIX века графиня Уварова: «...и для России наступит время, когда древние храмы земли русской будут возбуждать... больше сочувствия и уважения...»³

¹ Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.

² Распоряжение Президента РФ от 24 апреля 1995 г. № 192-рп «О взаимодействии Президента Российской Федерации с религиозными объединениями» // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1644; Распоряжение Президента РФ от 2 августа 1995 г. N 357-рп «Об утверждении Положения о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации и его состава» // СЗ РФ. 1995. № 32. Ст. 3294.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 57. Д. 40. Л. 15.

МАЙДАН-2 КАК СЛОМ НАРОДОВЛАСТИЯ И КАК СПОСОБ ОВЛАДЕНИЯ ВЛАСТЬЮ КРИМИНАЛОМ

Панченко П.Н., заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса факультета права НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, академик РАЕН, член РАЮН, член Российской криминологической ассоциации, руководитель секции по уголовно-правовым вопросам Научно-консультативного совета при Нижегородском областном суде, член Экспертного совета по реализации программы поддержки журналистов (раздел «Уголовное право») Нижегородского регионального совета общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»

Аннотация

Анализируются события киевского майдана-2, их криминальное содержание, истоки, последствия. Формулируется вывод о неэффективности минских договоренностей и необходимости поиска других путей урегулирования конфликта на юго-востоке Украины.

Ключевые слова: события, майдан-2, криминальное содержание, истоки, последствия, минские договоренности, конфликт, Украина

*Я – один из семи миллиардов,
Человечество бродит во мне.
Не убить меня сотней снарядов
И не сжечь в пулеметном огне.*

*Если же худшее все же случится
И на этой войне я паду –
Значит, выпало мне отлучиться...
Не печальтесь – я скоро приду.*

17 февраля 2015 года, то есть спустя примерно год после государственного переворота в Киеве и появления в этом городе самозваной власти, генеральная прокуратура ДНР открыла уголовное дело против П. Порошенко, А. Турчинова и А. Яценюка – по фактам развязывания ими войны против жителей Донецкой и Луганской областей (ДНР и ЛНР) и учиненного в ходе ее геноцида, а также многих других преступлений.

Заметим, что основания для этого более чем достаточны. В Донецке, согласно данным ООН (по состоянию на июнь 2015 года), за время войны на востоке Украины 10 243 человека погибли и еще 15 615

Abstract

Kiev's Maidan-2 events and their criminal contents, sources, consequences are herein analyzed. The conclusion is formulated on the ineffectiveness of Minsk agreements and on the need of searching for any other ways to resolve the conflict in the South-East of Ukraine.

Keywords: events, Maidan-2, criminal contents, sources, consequences, Minsk agreements, conflict, Ukraine

научное издание

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**НАРОД И ВЛАСТЬ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ИСТОРИИ
И СОВРЕМЕННОСТИ**

Выпуск 2

Отв. ред.: И.В. Михеева, Ф.А. Селезнев

Верстка — Б. В. Прudentov
Корректор — Л. А. Зелексон

Подписано к печати 09.10.2015 г. Формат 60x90 ¼.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.

Усл. печ. л. 35,125

Отпечатано в типографии «Растр»
603155, Нижний Новгород, ул. Белинского, 63

Подписано к печати 09.10.2015 г. Формат 60x90 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.

Усл. печ. л. 35,125

Отпечатано в типографии «Растр»